Dubet
Д-3
XIX

Проф. И. А. ЛИННИЧЕНКО.

КАКЪ НАСЪ УЧИЛИ КЛАССИЧЕСКИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

Отдѣльный оттискъ изъ газеты
„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“
№ 8637.

Проф. И. А. ЛИННИЧЕНКО.

КАКЪ НАСЪ УЧИЛИ КЛАССИЧЕСКИМЪ ЯЗЫКАМЪ.

Отдѣльный оттискъ изъ газеты
„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“
№ 8637.

BIBLIOTEKA NARODOWA
II. 73.784

Biblioteka Narodowa
Warszawa
30001017625638

nr. 8122/1922

Собравшіеся въ Петербургѣ классики вотировали (а какъ же классикамъ этого не вотировать?) возвращеніе къ классической системѣ образованія. О вредѣ и пользѣ изученія мертвыхъ языковъ писано такъ много, даже у насъ, что на одолѣніе всей этой полемической литературы не хватило бы дѣлой жизни. Защитники классической системы дѣлились у насъ на два разряда—сторонниковъ изученія мертвыхъ языковъ съ точки зрѣнія педагогической («гимнастики ума»), и насадителей классической системы обученія въ видахъ политическихъ—для послѣднихъ только прохожденіе Сциллы и Харибды классицизма, даетъ зрѣлость ума (читай: зрѣлость политическую, т. е. политическій консерватизмъ). Тонъ, конечно, задавали вторые, люди государственнаго ума; первые давали свой ученый и педагогическій отзывъ, гл. обр. по приглашенію вторыхъ, pour sauver les apparences, освѣщали авторитетомъ жрецовъ науки политическія мѣры государственныхъ умовъ, стоявшихъ во главѣ всяческаго просвѣщенія.

Не стану разбирать даннаго вопроса съ точки зрѣнія теоретической. Разскажу только, какъ насъ учили классическимъ предметамъ и что изъ такого обученія вышло.

Въ гимназію я поступилъ до введенія строгой Толстовской системы классическаго воспитанія; реформа застала меня въ шестомъ классѣ, а такъ какъ греческій языкъ вводился съ пятаго класса, то мы окончили гимназію съ однимъ только языкомъ латинскимъ. Тѣмъ не менѣе мы не избѣжали строгостей новой системы, хоя, не изучая греческаго языка, вынесли только половинную тяжесть класси-

цизма на нашихъ юныхъ, еще не окрѣпшихъ гимназическихъ плечахъ.

Отецъ мой окончилъ гимназію въ концѣ тридцатыхъ годовъ; курсъ ученія тогда былъ семилѣтній, преподаваніе языка латинскаго начиналось тогда, кажется, съ третьяго класса, а на это преподаваніе отводилось не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю. Греческій языкъ былъ необязателенъ, изученіе его поощрялось награжденіемъ чина четырнадцатаго класса при окончаніи гимназіи. Отецъ мой не только добровольно изучалъ языкъ греческій, но, несмотря (а можетъ быть именно потому) на то, что на языкъ латинскій отводилось по программѣ не много часовъ, настолько усвоилъ себѣ языкъ Римлянъ, что на первомъ же курсѣ въ университетѣ получилъ золотую медаль за сочиненіе на латинскомъ языкѣ «de mimis Romanorum [1]).

Я поступилъ во второй классъ гимназіи. Латинскій языкъ преподавался въ мое время уже съ перваго класса (помню это хорошо, такъ какъ на вступительномъ экзаменѣ спрягалъ amo и склонялъ tabula) при двухъ-трехъ часахъ въ недѣлю, но зато намъ преподавали и науки естественныя, ботанику, зоологію, для которыхъ съ Толстовской реформой уже не хватало часовъ въ программѣ, болѣе половины которой от-

[1]) Г. А. Ивановъ, профессоръ московскаго университета, очень хорошій классикъ и человѣкъ рѣдкой доброты, чуть ли не единст. разъ въ жизни поставилъ студ.-классику единицу за сочиненіе... Читаю, разсказывалъ онъ мнѣ, сочиненіе студента о Гораціи, писанное на языкѣ латинскомъ. Что-то знакомое, даже очень знакомое. Заглядываю въ изданіе Teubner'a—оказывается, студентъ дословно переписалъ предисловіе къ этому изданію, но выдалъ себя единствен. самостоятельной фразой: ex quo videndum est quantus homo erat Horatius». Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ самый разгаръ классицизма.

ведено было на преподаваніе классическихъ языковъ (8 лат. и 8 греч.=16 на 30 недѣльныхъ часовъ).

Преподаваніе во 2 и 3 классахъ велъ у насъ добрѣйшій и симпатичнѣйшій учитель, раньше преподававшій законовѣдѣніе. Учили мы грамматику по учебнику Игнатія Коссовича, да переводили небольшіе отрывки, помѣщенные въ приложеніи къ учебнику: Iupus capram conspicatus est, quae in rupe pascebatur[2]

Первый нашъ наставникъ латинскаго языка употреблялъ одну только форму поощренія классическихъ занятій. Задавалъ онъ намъ какую-нибудь мудреную (и не для однихъ третьеклассниковъ) фразу, непремѣнно прибавляя: кто эту фразу переведетъ, получитъ хорошую отмѣтку. Мы рылись въ словаряхъ, совѣщались шепотомъ и предлагали, почти всегда неудачно, всевозможные опыты перевода (изъ такихъ заковыристыхъ фразъ одна, но съ ея удивительно оригинальнымъ переводомъ, предложеннымъ однимъ изъ моихъ товарищей, осталась навсегда въ моей памяти Iupus in Iupa sedit et Iupum edit—вѣрнаго перевода, волкъ сидитъ въ овчарнѣ и ѣстъ волка, не предложилъ никто, къ великому торжеству добродушнаго преподавателя).

Въ четвертомъ и пятомъ классахъ мы перешли въ руки иныхъ классиковъ, пока еще (до Толстовской реформы) домашняго производства. Учили они насъ тихо и мирно—грамматикѣ по тому же И. Коссовичу, переводили мы Цезаря De bello Gallico, Саллюстія. Клас-

---

[2]) Въ случаяхъ болѣзни преподавателя, послѣдняго иногда замѣнялъ директоръ. Нашъ директоръ навсегда прославился переводомъ отрывка изъ хрестоматіи Коссовича. Отрывокъ начинался словами aperi os; директоръ (не имѣвшій спеціальности—онъ былъ юристомъ) перевелъ эту фразу такъ: свиное рыло.

сическія познанія нашихъ наставниковъ-классиковъ были не особенно высокой марки. Мнѣ, напр., доставляло всегда особенное удовольствіе преподносить классику какое-нибудь особенно затруднительное для перевода мѣсто изъ Тита Ливія или Тацита (съ послѣднимъ знакомился добровольцемъ) и наблюдать краску смущенія преподавателя, напрасно напрягавшаго свое развитое гимнастикой классицизма соображеніе къ уразумѣнію запутанныхъ классическихъ періодовъ. Грамматику мы одолѣли уже всю и изрѣдка писали и extemporalia, переводы съ русскаго на латинскій.

Съ шестого класса, года реформы, и на насъ повѣяло новымъ духомъ, хотя, повторяю, мы благополучно избѣжали Харибды, т. е. не подпали подъ греческій языкъ.

Классическія познанія отечественныхъ классиковъ показались начальству недостаточными, и пока еще въ Лейпцигѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ сидѣвшаго въ Петербургѣ А. И. Георгіевскаго (прославившагося, какъ классикъ, своими классическими шестами въ комментаріяхъ къ описанію галльской войны великаго римскаго полководца), приготовляли въ нѣмецкой классической кухнѣ острое классическое рагу изъ юныхъ русскихъ аспирантовъ, попробовали повторить опытъ Петра 1, набравшаго было разныхъ братушекъ для поученія Россіянъ морскому дѣлу. Изъ Чехіи, Моравіи, даже галицкой Руси вызваны были всевозможные Утушилы, Затушилы, Нетушилы (за послѣдняго еще спасибо), Направники, Оправники, Управники, Наворотилы, и даже (вопреки всякой педагогической логикѣ) Поспѣшилы, Поторопилы и т. п. (въ исторіи русскаго классицизма почетную извѣстность имѣютъ имена Крюкова, Pellegrino), Леонтьева, Корша, Шварца, Ростовцева, Зелинскаго, получившихъ уче-

ную подготовку въ отечественныхъ университетахъ, а вывезенные транспорты заграничныхъ братушекъ прославились только своими чешско-русскими передѣлками нѣмецкихъ грамматикъ съ классическими переводами: животокъ коротокъ, да поучительными примѣрами для назиданія второклассниковъ: какъ пріятно намъ лежать подъ тѣнью деревъ и пить фалернское вино).

Намъ еще сравнительно повезло. Преподавателемъ къ намъ попалъ галичанинъ, человѣкъ толковый, относительно порядочно знавшій русскій языкъ, основательно латинскій и даже хорошо математику (математикомъ онъ и былъ по спеціальности) и притомъ аккуратный, исполнительный, и добросовѣстный, — послѣднее даже сверхъ мѣры—онъ, бѣдный, подтягивая насъ, дабы держать классъ на высотѣ требованій начальства, уходилъ себя, заболѣлъ чахоткой и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ благополучнаго исхода экзамена (и нашего, и своего) на аттестатъ зрѣлости, скончался за-границей.

Число часовъ, отведенныхъ на преподаваніе латинскаго языка, сразу повысилось съ 3 до 8, въ ущербъ, конечно, преподаванію прочихъ предметовъ. Скромной, простой и толковой грамматики Коссовича, давно нами изученной, оказалось недостаточно. Грамматику мы стали изучать на ново по монументальному учебнику Шульце-Ходобая. Сія грамматика, по нѣмецкому обычаю, была отпечатана двумя шрифтами— крупнымъ и петитомъ. Петитомъ напечатаны были примѣчанія къ правиламъ и примѣчанія къ примѣчаніямъ. Въ примѣчаніяхъ помѣщалось и безконечное число примѣровъ, фразъ изъ классиковъ. И всѣ эти примѣчанія, примѣчанія къ примѣчаніямъ, исключенія и примѣры, приходилось учить наизусть. Переводили мы какъ прозу, такъ и поэзію—Цицерона,

Саллюстія, Овидія, Виргилія, Горація. Преподаватель требовалъ, чтобы мы къ каждому уроку приготовляли не менѣе 50 строчекъ классика къ переводу, и эти же 50 строчекъ выучивали наизустъ. Вызванный къ отвѣту долженъ былъ прочесть заданное наизусть по латыни, затѣмъ, не смотря въ книгу, перевести весь отрывокъ, и только при грамматическомъ разборѣ дозволялось пользоваться книгой. (Самъ преподаватель очевидно обладалъ прекрасной памятью, такъ какъ всегда зналъ заданное намъ наизусть, а ему приходилось ежедневно выучивать по нѣсколько страницъ изъ разныхъ классиковъ, т. к. преподавалъ онъ въ разныхъ классахъ). Для перевода съ русскаго на латинскій введена была, приспособленная къ такому переводу, нѣкіимъ Фохтомъ (преподавателемъ нѣжинскаго историко-филологическаго лицея) «Капитанская Дочка» Пушкина. Такъ какъ Пушкинъ писалъ немного позже паденія западной римской Имперіи, то въ его прозѣ встрѣчались понятія и предметы, неизвѣстные древнимъ классикамъ, а потому въ нашемъ словарѣ трехъ Троглодитовъ (Ананьева, Яскецкаго и Лебединскаго) мы не находили часто словъ латинскихъ, соотвѣтствующихъ русскимъ подлинника. Приходилось прибѣгать къ метафорамъ, описательнымъ выраженіямъ, аналогіямъ.

Такъ ученый классикъ Фохтъ предлагалъ переводить пушку цѣлой фразой: «gens quoddam tormenti, quod puschka vocantur». Военные чины полный генералъ, генералъ просто, полковникъ, капитанъ производились въ dux, legatus, pro-legatus, centurio и т. д. Понятіе жандармъ, римлянамъ неизвѣстное (ихъ замѣняли въ Римѣ, вѣроятно, всевѣдующіе авгуры) предлагалось переводить: gens quoddam hominum qui jandarmi vocantur.

Разъ въ недѣлю мы писали extemporalia—

переводы съ русскаго на латинскій. Для этихъ extemporalia мы обязаны были выучить по семь главъ изъ Цезаря. Преподаватель изъ этихъ семи главъ составлялъ экстрактъ по русски, а мы должны были изложить его языкомъ Цезаря. Ошибки въ переводѣ обозначались на тетрадяхъ нашихъ дробью—числитель его обозначалъ крупныя (грамматическія) ошибки, знаменатель—мелкія (стилистическія), (напр., $^5/_7$; при отсутствіи ошибокъ, что конечно было великимъ событіемъ въ жизни лучшихъ изъ нашихъ классиковъ, дробь выражалась ∞. Послѣ дроби ставилась и отмѣтка за extemporalia). Въ слѣдующіе за extemporalia дни нужно было использованныя 7 Цезаревыхъ главъ выучить наизусть и переводить, какъ и все остальное, не глядя въ книгу.

Разборъ перевода былъ почти исключительно грамматическій, съ перекрестнымъ допросомъ по поводу всевозможныхъ утовъ (ut causale, finale, consecutivum) и кводовъ. Въ realia называлъ по русски всадниками) и теоріи непреподаватель пускался рѣдко. Конькомъ его было почему то объясненіе соціальнаго положенія римскихъ equites (которыхъ онъ упорно называлъ по русски всадниками) и теоріи неприкосновенности личности у старыхъ римлянъ ежели онъ скажетъ: civis Romanus sum (произносилъ онъ неизмѣнно—зумъ), никто не смѣетъ его обидѣть.

Естественно, что при такихъ строжайшихъ требованіяхъ на приготовленіе къ уроку латинскаго языка уходила масса времени. Мальчики съ слабой памятью по нѣсколько часовъ долбили сакраментальныя 50 строкъ классика и, разумѣется, къ утру слѣдующаго дня, забывали вполнѣ основательно выученное наканунѣ и поэтому продолжали долбежку во время другихъ уроковъ. Переводить свободно мало кто умѣлъ; поэтому во время перемѣнъ возлѣ не-

многихъ классиковъ собирались товарищи, требуя перевода и грамматическихъ поясненій заданныхъ уроковъ. Классики поэтому (а не забудьте, мы изучали только одинъ древній языкъ) поглощали не менѣе ¾ нашихъ учебныхъ занятій. Наше мѣстное начальство, въ угоду начальству высшему, обращало исключительное вниманіе на наши успѣхи въ изученіи классиковъ. Хорошему классику прощались всѣ недочеты по другимъ предметамъ. Не могу не привесть здѣсь слѣд. характернаго случая. Въ 1874 г. во время археологическаго съѣзда (дѣло происходило въ Кіевѣ) ген.-губерн. кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ далъ раутъ для членовъ съѣзда. Въ числѣ гостей быль и извѣстный академикъ И. И. Срезневскій. Подходитъ онъ къ мѣстному помощнику попечителя И. П. Новикову и задаетъ ему вопросъ о положеніи преподаванія русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Право, не умѣю вамъ сказать, — отвѣчаетъ помощникъ попечителя,—я интересуюсь только постановкой преподаванія классическихъ языковъ въ гимназіяхъ». Можно себѣ представить возмущеніе знаменитаго языковѣда, услыхавшаго такое, совершенно невѣроятное заявленіе помощника попечителя. «Вотъ они, наши революціонеры, вотъ губители Руси»,—весь затрясшись отъ негодованія, закричалъ И. И..—На сцену эту попалъ кн. А. М. Дондуковъ и поспѣшилъ увесть взбѣшеннаго академика отъ совершенно опѣшившаго помощника попечителя.

И. П. Новиковъ (впослѣдствіи попечитель петербургскаго учебнаго округа) былъ дѣйствительно plus royaliste que le roi même въ дѣлѣ насажденія классицизма въ средней школѣ.

И. П. Новиковъ по спеціальности былъ человѣкомъ военнымъ (за серебряныя эполеты и серебристые, коротко остриженные, волосы, онъ получилъ предикатъ бѣлый генералъ).

Былъ онъ посланъ по какимъ-то военнымъ дѣламъ заграницу, но почему-то вдругъ воспылалъ страстью къ древнимъ языкамъ и вмѣсто того, чтобы исполнять свои военныя порученія, сталъ слушать лекціи по классической филологіи и, конечно, въ Германіи, классической странѣ классическихъ филологовъ. Но всему бываетъ конецъ, даже заграничнымъ командировкамъ, и И. П. принужденъ былъ вернуться домой. Представляется своему министру, до свѣдѣнія котораго дошли уже вѣсти о классическихъ увлеченіяхъ генерала. Министръ, усомнившійся въ пользѣ классическихъ языковъ для ратнаго дѣла, посовѣтовалъ генералу поискать мѣста въ министерствѣ гр. Д. А. Толстого; генералъ послѣдовалъ совѣту своего министра и получилъ вскорѣ назначеніе помощникомъ попечителя въ Кіевѣ къ другому генералу, П. А. Антоновичу (генералы во образѣ попечителя одно время были въ модѣ, въ нихъ повидимому стали нуждаться и теперь съ введеніемъ потѣшныхъ войскъ: бывшій классикъ или терапевтъ (хирургъ былъ бы здѣсь болѣе на мѣстѣ) въ роли командира полка существо если не метафизическое (какъ космополитъ по ученію Карамзина), то во всякомъ случаѣ нѣсколько потѣшное: представляю себѣ нѣкоторыхъ попечителей верхомъ на лошади производящихъ смотръ смѣшливымъ мальчикамъ и ужасаюсь антипедагогическихъ послѣдствій — подрыва сначала авторитета власти, а затѣмъ пожалуй и подрыва основъ!).

Бѣлый генералъ усердно принялся за насажденіе классицизма въ своемъ округѣ. Сказанная имъ И. И. Срезневскому на княжескомъ раутѣ фраза вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности. Его, въ качествѣ ревизора, мы почти не видали на иныхъ, кромѣ классическихъ, урокахъ (исключеніе изрѣдка дѣлалось имъ для уроковъ математики—И. П. считалъ себя еще

и математикомъ—но эти посѣщенія дѣлались имъ кажется лишь по такому же снисхожденію, по которому И. А. Хлестаковъ два раза взглянулъ на М. А. Сквозникъ-Дмухановскую — а, дай, ужъ посмотрю на нее).

Зато рѣдкая недѣля обходилась безъ того, чтобы И. П. не зашелъ въ нашъ классъ (имъ особенно излюбленный) на урокъ латинскаго языка (визитъ къ намъ былъ ему особенно удобенъ, такъ какъ И. П. проживалъ въ зданіи нашей гимназіи). На урокѣ онъ не сидѣлъ безгласно, какъ его принципалъ, добрѣйшій старичекъ П. А. Антоновичъ, двукратно пожимавшій руку наставника (при входѣ въ классъ, и при выходѣ изъ него) и, послѣ десятиминутной молчаливой ревизіи переходившій въ слѣдующій классъ, привѣтливо поклонившись гимназистамъ. И. П. садился на заднюю парту, бралъ классика у сосѣда-ученика и принималъ самое дѣятельное участіе, какъ настоящій знатокъ классическихъ наукъ, въ нашемъ переводѣ, предлагая свои комментаріи и замѣчанія. Генералу впрочемъ въ переводѣ не всегда везло—правда, ему вѣдь приходилось переводить à livre ouvert; онъ всегда горячо отстаивалъ свое пониманіе темныхъ мѣстъ классика (а, какъ извѣстно, классикъ безъ темныхъ мѣстъ, требующихъ цѣлыхъ фоліантовъ объясненій, такой же не настоящій классикъ, какъ цѣльная античная статуя—сколько каѳедръ классической филологіи и искусства пустовали бы въ университетахъ, сохранись недостающія руки у Венеры Милосской!). Насъ, не столь опытныхъ въ классической борьбѣ, генералъ быть можетъ и положилъ бы на обѣ лопатки какимъ-нибудь классическимъ tour de hanches en tête, но нашъ преподаватель прошелъ хорошую школу классической борьбы и нерѣдко закладывалъ генералу мертвую петлю двойного Нельсона, послѣ которой, по увѣренію

чемпіоновъ, жить нельзя. Помню одинъ случай такой. Я былъ, въ присутствіи генерала, вызванъ къ отвѣту. Переводили мы, кажется, Цицерона. Въ переводѣ встрѣтилось весьма обычное слово—tandem. Перевожу его (по контексту) черезъ «же», не встрѣчая возраженія со стороны преподавателя.—Tandem никогда не значитъ же, раздается голосъ генерала съ задней парты. Почему?—удивляется преподаватель,—По крайней мѣрѣ, въ классическомъ языкѣ, у Горація, tandem никогда не значитъ же. Нашъ классикъ, ходившій всегда крупными шагами, сгибая колѣни и наклоняя верхнюю часть туловища впередъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ отъ кафедры къ генералу и, протянувъ правую руку впередъ, воскликнулъ: а какъ же вы переведете: quousque tandem, o Catilina, abutere patientia nostra? Классикъ на нѣсколькихъ секундъ застылъ въ этой классической позѣ—раздался звонокъ, и генералъ, ни слова не отвѣтивъ, оставилъ классъ. Такъ намъ навсегда и осталось неизвѣстнымъ, призналъ-ли генералъ правоту классика, или усмотрѣлъ въ знаменитой фразѣ намекъ на свое, далеко не всегда педагогическое, вмѣшательство въ преподаваніе [3]).

---

[3]) Не могу не припомнить здѣсь еще одного случая неудачной поправки бѣлаго генерала. Дѣло происходило во время выпускного экзамена по богословію и исторіи Церкви. Экзаменъ былъ обставленъ весьма торжественно. На экзаменъ былъ приглашенъ архіерей; за экзаменаціоннымъ столомъ возсѣдалъ преосвященный, по одну его сторону бѣлый генералъ, по другую—депутатъ отъ университета проф. А. И. Селинъ, далѣе: инспекторъ, директоръ, два законоучителя и два ассистента, изъ преподавателей, т. е. почти по одному экзаменатору на экзаменующагося гимназиста. Доходитъ очередь до меня. Вынимаю билетъ—о перенесеніи митрополичьей каѳедры изъ Кіева во Владиміръ. Начинаю: митрополичья каѳедра была перенесена изъ Кіева во Владиміръ... «Не каѳедра,

BIBLIOTEKA NARODOWA

Товарищи мои безропотно подчинялись суровой классической ферулѣ, мечтая лишь о томъ, чтобы поскорѣе окончить гимназію и выбросить изъ головы всѣхъ Цезарей, Саллюстіевъ, Цицероновъ, нашпигованныхъ грамматическими заковычками.

Одинъ я постоянно, упорно и систематически протестовалъ противъ педантической системы преподаванія классическаго языка. Я и не думалъ учить наизусть классическихъ отрывковъ, отказывался излагать третьи и четвертыя примѣчанія къ примѣчаніямъ ученаго Ходобая. И тѣмъ не менѣе я былъ всегда первымъ по переводу, переводилъ не только Цезаря и Саллюстія, но даже Цицерона прямо á livre ouvert, а extemporalia писалъ почти безъ ошибокъ, умѣло командуя ротой разныхъ коварныхъ утовъ, и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ самимъ аблативусомъ абсолютомъ.

И преподаватель въ отношеніи меня оказался безсильнымъ. Когда онъ корилъ меня за нежеланіе учить грамматику и выучивалъ безсвязные отрывки изъ ученыхъ классиковъ, я безошибочными переводами съ латинскаго языка на русскій и обратно, дока-

---

а престолъ, поправляетъ меня бѣлый генералъ, Пусть будетъ престолъ, отвѣчаю я. Вдругъ преосвященный (епископъ Филаретъ, ректоръ кіевской духовной академіи, человѣкъ очень умный и знающій, острый на языкъ), оборачивается къ И. П. съ насмѣшливой улыбкой (Н-а онъ, почему-недолюбливалъ, а меня хорошо зналъ, такъ какъ часто бывалъ у насъ въ домѣ), возражаетъ ему «нѣтъ, не престолъ, а каѳедра». Бѣлый генералъ сталъ розовымъ. «Владимиръ на столѣ, а се его злато», привскочивъ на стулѣ, прибавляетъ А. И. Селинъ. «Княжескій престолъ, а митрополичья каѳедра», продолжаетъ преосвященный. Между экзаменующими поднимается споръ, который оканчивается полнымъ пораженіемъ бѣлаго генерала, возомнившаго себя спеціалистомъ и по наукамъ богословскимъ.

зывалъ ему, что вѣдь въ такомъ безошибочномъ переводѣ и заключается цѣль изученія языка, а какими средствами я прихожу къ этой цѣли, для него должно быть безразлично. Пожимая плечами, онъ, однако, долженъ былъ ставить мнѣ круглое пять.

Тайна моихъ успѣховъ въ латинскомъ языкѣ была очень проста. Я много читалъ по латыни. Пользуясь словаремъ (не пресловутымъ словаремъ трехъ троглодитовъ, или старымъ Кронеберга, а хорошимъ нѣмецкимъ Klotza) и хорошими заграничными (съ нѣмецкими и французскими комментаріями) изданіями классиковъ, я прочелъ рядъ латинскихъ авторовъ—всего Овидія, всего Виргилія, не мало изъ Тита Ливія, Цицерона и даже такихъ какъ Веллей Патеркулъ, Амміанъ Марцеллинъ и т. д. Читалъ и кое что изъ realia—Моммсена, Гиббона, Преллера (Röm Mythologie) и даже нѣсколько томовъ римскихъ древностей Марквардта-Моммсена, и мнѣ доставляло особенное удовольствіе, отыскавъ въ миѳологіи какую-нибудь совершенно захудалую богиню, обращаться къ классику съ запросомъ объ ея значеніи. Смущенному преподавателю оставалось или отдѣлываться общими фразами, или глубокомысленно замѣчать, что, по его мнѣнію, данная богиня слилась съ Майей.

Благодаря усиленнымъ занятіямъ переводами (съ верху внизъ, и съ низу вверхъ) и жестокой грамматикой въ изложеніи Шульца-Ходобая, товарищи мои о римскихъ realia не имѣли ни малѣйшаго представленія — лучшіе изъ насъ помнили только названія осадныхъ машинъ-баллисты и катапультыты (послѣднюю впрочемъ нѣкоторые—это фактъ—смѣшивали съ каталепсіей), да знаменитую фразу преподавателя: ежели онъ скажетъ civis romanus sum, никто не смѣетъ его обидѣть. Сухой и удивительно скучный учебникъ римской исторіи, по которо-

му мы учили послѣднюю у нашего историка, не давалъ никакого разумнаго и идейнаго представленія объ основахъ римской жизни, духѣ римскихъ законовъ, причинахъ борьбы патриціевъ и плебеевъ, условіяхъ, которыя привели къ паденію Римской Имперіи, и т. д.

Въ чемъ состояла красота и сила римскаго стиля въ прозѣ и поэзіи, мы опять-таки не имѣли никакого представленія. Писателей мы дѣлили на легкихъ (Корнелій Непотъ, Цезарь) и трудныхъ (Титъ Ливій, Цицеронъ, Тацитъ). Что касается поэзіи, то мы знали о размѣрѣ александрійскомъ, сафическомъ, разныхъ архаическихъ и проклинали на чемъ свѣтъ стоитъ Горація, чуть не каждое стихотвореніе писавшаго инымъ размѣромъ.

И тѣмъ не менѣе на окончательномъ экзаменѣ намъ задали тему для сочиненія по р у с с к о й словесности: «основныя черты различія культуры греческой и римской»! (не забудьте —греческаго языка мы въ гимназіи не изучали). Какъ отвѣтили на этотъ вопросъ мои товарищи, не знаю. Я былъ въ этомъ вопросѣ (на который, конечно вполнѣ удовлетворительно не могли бы отвѣтить ни Моммсенъ, ни Гротъ съ Курціусомъ вмѣстѣ, такъ какъ первый изучилъ только римскую исторію, а вторые—только греческую) нѣсколько болѣе ориентированъ, случайно начавъ читать взятую въ библіотекѣ отца книгу Карьера, «Искусство въ связи съ исторіей культуры», изъ которой кое-что и припомнилъ на экзаменѣ. Помощью безпроволочнаго телеграфа (гимназисты изобрѣли его гораздо раньше Marconi) я удачно передалъ мои ученыя соображенія нѣкоторымъ изъ наиболѣе слабыхъ товарищей, и совокупными силами мы рѣшили вполнѣ удовлетворительно (къ великому убытку для науки наши труды не отпечатаны въ многотомномъ изданіи «Столѣтіе кіевской I гим-

назіи») столь трудный для ученыхъ классиковъ вопросъ.

Extemporale на выпускномъ экзаменѣ сошло благополучно для всѣхъ насъ, благодаря поистинѣ изумительной системѣ обмѣна мыслями между товарищами, несмотря на всѣ принятыя противъ возможности подобнаго обмѣна мѣры (насъ разсадили у маленькихъ столиковъ въ необъятной залѣ, на разстояніи чуть не километра одинъ отъ другого). Системы нашей я позволю себѣ не обнародовать, да и ознакомленіе съ нею было бы совершенно безцѣльно для педагоговъ въ виду безпримѣрнаго таланта изобрѣтательности гимназистовъ.

И такъ, что же дало намъ въ концѣ-концовъ усиленное и крайне утомительное ученіе классическаго языка?

Докторъ Ватсонъ, спутникъ похожденій героя романовъ Конанъ-Дойля, и его присяжный исторіографъ, дѣлаетъ въ предисловіи къ біографіи своего героя, знаменитаго Шерлока Хольмса, инвентарь его познаній; въ нѣкоторыхъ областяхъ вѣдѣнія, повидимому, не имѣющихъ ничего между собою общаго, знаменитый сыщикъ, имѣлъ весьма солидныя свѣдѣнія, оставаясь круглымъ невѣждою въ отношеніи цѣлаго ряда предметовъ общеобразовательныхъ. Но этотъ геніальный самоучка, въ своемъ самообученіи преслѣдовалъ цѣль строго опредѣленную, изучая только то, что могло принесть ему пользу въ избранной имъ профессіи.

Какія же цѣли, практическія или теоретическія, преслѣдовали наши государственные умы, заставляя насъ ежедневно проклинать не только неудобоваримыхъ Шульцевъ-Ходобаевъ, но и всѣхъ римлянъ съ ихъ классическимъ неподражаемымъ стилемъ, прозой и поэзіей, темными фразами, изъ-за истиннаго смысла которыхъ воюютъ между сооою даже боги филологіи.

Въ отношеніи общаго образованія мы при

окончаніи гимназіи стояли почти на одномъ уровнѣ съ англійскимъ сыщикомъ, въ отношеніи практическомъ вышли въ жизнь вооруженными несравненно хуже его.

Изъ катехизиса мы запомнили: почему сіе важно въ седьмыхъ, что сіе изображаетъ. Катехизисъ обширенъ, а о сущности христіанскаго вѣроученія никому не было времени съ нами бесѣдовать—вѣдь, кромѣ катехизиса нужно было еще пройти и исторію церкви, и христіанскіе богослуженіе *).

Изъ исторіи мы помнили рядъ хронологическихъ датъ, но никто изъ насъ не сумѣлъ бы отвѣчать толково на вопросы о значеніи эпохи возрожденія, о сущности крѣпостного права, опредѣлить понятіе феодализма, роль папства въ исторіи средневѣковой Европы[4]).

Географію—б. м. потому, что гимназія предназначалась не для пролетаріевъ, кухаркиныхъ дѣтей, а для сыновей зажиточныхъ родителей, имѣвшихъ всегда двугривенный въ карманѣ на извозчика,—преподавали настолько плохо (заканчивая ее чуть-ли не въ третьемъ классѣ), что наши студенты и по сей часъ помѣщаютъ Львовъ въ Турціи, а Лембергъ въ Германіи, не понимая, что такое смѣшеніе и перемѣщеніе можетъ привести къ нарушенію политическаго равновѣсія европейскихъ государствъ *).

---

*) Если мы знали, что сущность христіанскаго ученія—любовь къ ближнему, то только благодаря нашимъ родителямъ.

4) Исторія не принадлежала къ числу предметовъ новыхъ, а поэтому отвѣты на окончательномъ экзаменѣ въ родѣ того, что пуническія войны вели консулы Люцій и Минуцій, а начальникомъ стрѣлецкаго приказа при Софьѣ былъ баронъ Штейнъ, признавались удовлетворительными.

*) Одинъ изъ извѣстныхъ въ свое время администраторовъ, опровергая alibi подсудимаго, заявилъ въ оффиціальной бумагѣ: подсудимый ут-

Физику проходили кое-какъ, на спѣхъ—вѣдь на выпускномъ экзаменѣ по ней не приходилось отвѣчать.

Писали по-русски мы довольно грамотно (и за то спасибо), но связно и стройно излагать мысли свои умѣли немногіе. Для чтенія русскихъ классиковъ у насъ не хватало времени. Два-три стихотворенія Пушкина, столько же Лермонтова, «Чуденъ Днѣпръ» Гоголя—вотъ и весь нашъ багажъ по русской литературѣ. Писали мы домашнія работы на темы: «Тише ѣдешь, дальше будешь» (такъ какъ цѣль классической системы состояла въ приготовленіи изъ насъ породы консерваторовъ), характеристику Грознаго по Карамзину (вѣроятно съ цѣлью доказать вредъ дурного воспитанія), «космополитъ есть существо метафизическое» (съ цѣлью поднятія національнаго самосознанія). Но въ кругѣ нашимъ стилемъ и познаніями по словесности не интересовались, тамъ были дѣла поважнѣе—оцѣнка нашихъ латинскихъ extemporale. Гимназистъ, имѣвшій 4, или 5, по классику, былъ, какъ civis Romanus лицо неприкосновенное, за которое горой стоялъ весь педагогическій совѣтъ (одинъ изъ нашихъ классиковъ,—быть можетъ, не безъ основанія, заявлялъ, что на 5 латинскій языкъ знаетъ только Господь Богъ, онъ самъ знаетъ его на 4, а кто знаетъ его хорошо, тотъ знаетъ его на 3).

Математику, кромѣ 2—3 математиковъ «милостію Божіей», мы знали изъ рукъ вонъ плохо, и если тѣмъ не менѣе рѣшили на окончательномъ испытаніи очень трудную клаузурную работу, то только благодаря счастливой случайности и системѣ безпроволочнаго телеграфа.

верждаетъ, что въ означенное время отъ былъ во Львовѣ, между тѣмъ какъ агентурными свѣдѣніями установлено, что онъ въ это время находился въ Лембергѣ.

Изученіе классическаго языка дѣйствительно много содѣйствовало гимнастикѣ нашего ума,— но только въ томъ отношеніи, что всѣ силы нашего недозрѣвшаго мыслительнаго аппарата были направлены къ изобрѣтенію системъ безпроволочнаго телеграфа и всевозможныхъ подводныхъ аппаратовъ для благополучнаго плаванія мимо классической Сциллы. Внушить намъ назидательными примѣрами изъ римской исторіи любовь къ отечеству и народной гордости было по разнымъ причинамъ рискованно: вѣдь въ словаряхъ (даже 3 троглодитовъ) наряду съ извѣстными фразами «съ щитомъ, или на щитѣ», «какъ сладко умирать за край родной» находится и не вполнѣ національностическое опредѣленіе отечества: patria est ubicunque est bene. Незрѣлымъ юношамъ пришлось бы объяснять, почему суровые римляне временъ республики (послѣднюю правда обыкновенно замалчивали и писали всегда по-латыни—Res publica) отличались всевозможными добродѣтелями, а люди періода Имперіи погрязали въ порокахъ, почему первые клали не только, какъ Сцевола, руку, но и весь животъ на алтарь отечества, а послѣдніе торговали родиной или разрывали Имперію на клочки, пришлось бы оцѣнивать и дѣятельность Цезаря, и поступокъ Брута и т. д. Вотъ почему мы больше помнили Лукрецію и Тарквинія, пребываніе Энея въ гротѣ съ Дидоной, чѣмъ Катона и Гракховъ и, не знаю уже какъ, узнали ядовитую (болѣе обидную, впрочемъ, для римлянъ, чѣмъ для самого полководца) характеристику Цезаря—мужа всѣхъ женъ и жены всѣхъ мужей.

А такъ какъ мы, хотя и не имѣли времени (и намъ ихъ и не рекомендовали) читать ни Тургенева, ни Достоевскаго, ни Л. Толстого, все же прочли и Добролюбова, и Писарева, и Н. Михайловскаго, то консерваторами мы не

стали; нѣкоторые изъ насъ вышли ярыми радикалами, большинство—умѣренными либералами, сочувствовавшими всѣмъ либеральнымъ реформамъ Александра II-го. И такими вышли мы, основательно просѣянные черезъ классическое рѣшето. А просѣяли насъ такъ основательно, что до благополучнаго оставленія гимназіи съ патентомъ на зрѣлость изъ 100 съ небольшимъ моихъ товарищей по 2 классу (въ 2-хъ отдѣленіяхъ) вышли въ университетъ всего 6, т.-е. менѣе 6%.

По этому поводу передаю здѣсь фактъ, за достовѣрность котораго ручаюсь (фактъ этотъ переданъ мнѣ лицомъ—нынѣ уже умершимъ—завѣдывавшимъ секретнымъ столомъ канцеляріи одного учебнаго округа, и подтвержденъ свидѣтельствомъ одного изъ директоровъ гимназіи— и гимназія, и ея директоръ еще на этомъ свѣтѣ—въ архивахъ которой хранятся соотвѣтственные документы).

Вскорѣ послѣ убійства шефа жандармовъ Мезенцова, намѣстникъ его, представляясь Государю Александру II, заявилъ Императору, что, по его мнѣнію, одной изъ главныхъ причинъ революціоннаго движенія въ Россіи является классическая система воспитанія, выбросившая на улицу 100 тысячъ недоучившихся юношей.

Громадность этой цифры поразила Государя, и онъ велѣлъ негласнымъ образомъ ее провѣрить.

Вслѣдъ за тѣмъ попечители учебныхъ округовъ получили секретнѣйшія бумаги отъ министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого слѣд. содержанія: въ бумагѣ излагался разговоръ шефа жандармовъ съ Государемъ и выражалось предположеніе, что вскорѣ чинами жандармской полиціи будетъ произведено негласное дознаніе по затронутому шефомъ жандармовъ вопросу, «поэтому, заканчивалась се-

кретная бумага, предлагаю вашему превосходительству принять мѣры къ тому, чтобы чины жандармской полиціи не получили вѣрныхъ свѣдѣній о числѣ выбывшихъ изъ гимназій до окончанія срока ученія».

Одинъ изъ попечителей, ничтоже сумняшеся, велѣлъ эту секретную бумагу переписать цѣликомъ и разослалъ ее съ надписью «секретно» директорамъ гимназіи къ исполненію.

Вскорѣ отъ директоровъ гимназій стали поступать соотвѣтственныя донесенія попечителю округа. Въ донесеніяхъ сообщалось, что такого-то числа гимназію посѣтилъ чинъ жандармской полиціи и, между прочимъ, спрашивалъ о числѣ воспитанниковъ гимназіи, выбывшихъ до окончанія срока ученія. Директора пишутъ: «Я показалъ (такую-то) цифру» (разумѣется, фиктивную). Наименьшую цифру въ одномъ округѣ показалъ директоръ, имѣвшій почему-то репутацію либерала (быть можетъ, дознаніе можно бы было произвесть и инымъ способомъ, изучая, напр., цифровыя данныя всеподданнѣйшихъ отчетовъ министровъ народнаго просвѣщенія, но разсказываю фактъ, какъ онъ произошелъ).

Однажды одинъ изъ профессоровъ университета представляется гр. И. Д. Делянову, министру народнаго просвѣщенія. Какъ извѣстно, И. Д. былъ очень разговорчивъ, любилъ на пріемахъ болтать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. Не знаю, о чемъ шла рѣчь, но вдругъ И. Д. поражаетъ собесѣдника внезапнымъ заявленіемъ «да, пора уже покончить съ этимъ классическимъ мракобѣсіемъ». «Какъ же, ваше сіятельство, вѣдь вы такъ энергично отстаивали классическую систему?». «Да какъ же я могъ иначе? Вѣдь Катковъ на меня кричалъ, онъ меня чуть не побилъ».

Я лично вовсе не врагъ классиковъ и классическихъ наукъ. Но я признаю ихъ полез-

ными только для тѣхъ, кому они полезны. Какъ общая система воспитанія, классическіе языки, въ современной постановкѣ преподаванія, отнимающей у ученика больше половины его учебнаго времени, безусловно вредны и въ отношеніи теоретическомъ, и въ отношеніи практическомъ. Практическую пользу изученіе латинскаго языка дало только двумъ изъ насъ—одному изъ моихъ товарищей, преподавателю древнихъ языковъ въ гимназіи, и мнѣ, избравшему ученую карьеру. Да и то я, не мало возившійся съ средневѣковыми писателями и средневѣковыми латинскими актами, долженъ былъ переучиваться, такъ какъ средневѣковая латынь значительно отличается отъ латыни классическихъ авторовъ [5]).

Недавно мнѣ удалось видѣть воспитанниковъ знаменитой Гамбургской академіи Гагенбека. Что за чудная дрессура, и какъ охотно академисты дѣлаютъ свои номера! И вся тайна дрессуры въ ласковомъ обращеніи.

Неужели же наши дѣти хуже гагенбековскихъ звѣрей, и ихъ можно дрессировать только разными, въ томъ числѣ и классическими, скорпіонами?

Проф. И. А. Линниченко.

---

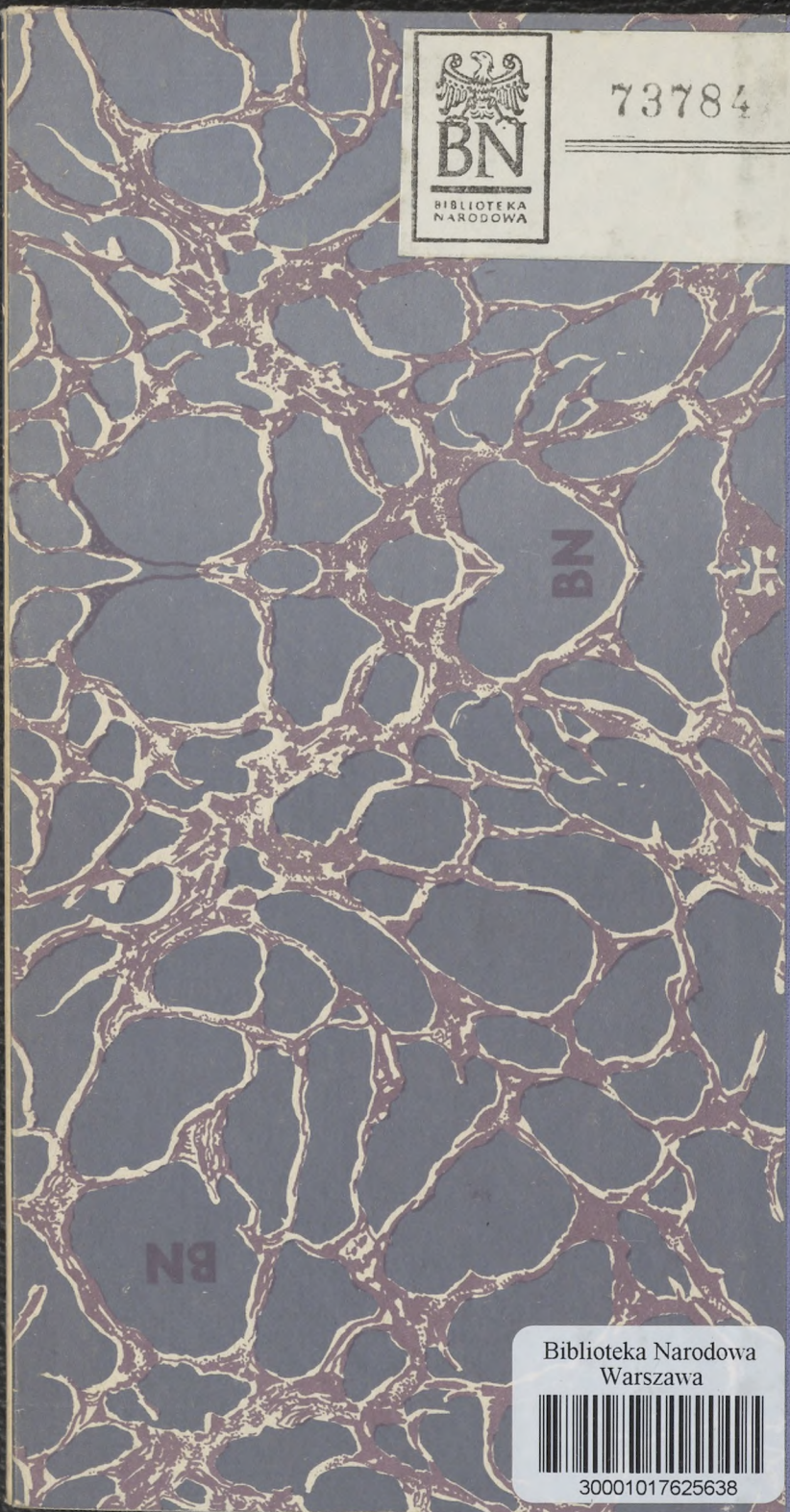
[5]) Мнѣ пришлось однажды, при переводѣ одного средневѣковаго автора обратиться къ совѣту одного очень хорошаго классика, но онъ отказался провѣрить мой переводъ, ссылаясь на то, что средневѣковой латыни онъ не знаетъ. Быть можетъ, онъ, какъ строгій пуританинъ, боялся потерять если не чистоту сердца, то чистоту своей классической рѣчи.

Впрочемъ, я слышалъ, какъ на одномъ ученомъ диспутѣ въ университетѣ, происходившемъ на языкѣ латинскомъ (диссертація была писана по латыни), оппоненты ругались на чистомъ классическомъ языкѣ „Hottentotus, kamtschadalus“ Это мнѣ напомнило средневѣковые акты передачи земельныхъ владѣній „cum granicicbus“.

тип. „Одесскихъ новостей“.

BIBLIOTEKA NARODOWA

13083
13088/III



BN
BIBLIOTEKA NARODOWA
73784

BN

BN

Biblioteka Narodowa
Warszawa
30001017625638